

EDN: YZCNEG
УДК 811.511.111

The Image of Siberia in Contemporary Finnish-language News Discourse

Natalia A. Os'mak*

*Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 10.10.2021, received in revised form 10.12.2021, accepted 18.01.2022

Abstract. The aim of the article is to identify the key characteristics of the linguistic representation of the image of Siberia in Finnish-language publicistic discourse from the position of interlinguacultural approach. The study material consisted of contexts selected from the corpus of YLE TV and radio news texts by the solid sampling method (775 contexts). In the course of the analysis all the contexts were categorized into thematic groups representing different perspectives of Siberia: 1) Siberia as a geographical region; 2) Siberia as a place of exile; 3) Siberia as a climatic characteristic; 4) the unit Siberia as part of a name; 5) the unit Siberia as part of a phraseology. The article presents the linguistic characteristics of each of the thematic groups, including the representation of toponyms, anthroponyms and other culturonyms, which are specific markers of Russocentric discourse. The analysis of frequent collocations by thematic groups allows us to draw preliminary conclusions about the tone of the contexts. The data of automatic sentiment-analysis, partially confirming the preliminary observations, testify to the neutral tone of the contexts representing the image of Siberia. Despite the presence of units with negative connotation in the collocations, neutralization is carried out due to the specifics of the news discourse focused on the function of informing.

Keywords: Finnish-language discourse, news text, Siberia, interlinguaculturology.

The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 1VG)

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes. Theoretical, Applied, Comparative and Contrastive Linguistics.

Citation: Os'mak N. A The Image of Siberia in Contemporary Finnish-language News Discourse. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 21–33. EDN: YZCNEG

Образ Сибири в современном финноязычном новостном дискурсе

Н.А. Осьмак

Российский государственный педагогический университет

им. А.И. Герцена

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. Цель статьи заключается в определении ключевых характеристик языковой репрезентации образа Сибири в финноязычном публицистическом дискурсе с позиции интерлингвокультурологического подхода. Материал исследования составили контексты, отобранные из корпуса новостных текстов телерадиокомпании YLE методом сплошной выборки (775 контекстов). В ходе анализа все контексты были распределены на тематические группы, показывающие различные ракурсы представления Сибири: 1) Сибирь как географический регион; 2) Сибирь как место ссылки; 3) Сибирь как климатическая характеристика; 4) единица *Сибирь* в составе названия; 5) единица *Сибирь* в составе фразеологизма. В статье приводятся лингвистические характеристики каждой из тематической групп, включающие представленность в них топонимов, антропонимов и других культуронимов, являющихся специфическими маркерами руссо-центрического дискурса. Анализ частотных коллокаций по тематическим группам позволяет сделать предварительные выводы о тональности контекстов. Данные автоматического сентимент-анализа, частично подтверждая предварительные наблюдения, свидетельствуют о нейтральной тональности контекстов, представляющих образ Сибири. Несмотря на наличие в коллокациях единиц, имеющих негативную окраску, нейтрализация осуществляется благодаря специфике новостного дискурса, ориентированного на функцию информирования.

Ключевые слова: финноязычный дискурс, новостной текст, Сибирь, интерлингвокультурология.

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 1ВГ)

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы. 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Осьмак Н. А. Образ Сибири в современном финноязычном новостном дискурсе. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(1), 21–33. EDN: YZCNEG

Введение

Далекая, таинственная и непонятная Россия издавна привлекает исследователей, публицистов и писателей из других стран, что объясняет обширность корпуса текстов руссо-центрического иноязычного описания. При этом в ряде исследований (Beloglazova et al., 2024: 107) отмечается дуализм и неоднозначность создаваемого образа страны.

Аналогичным образом характеризуют и образ русских, конструируемый в иноязычных медиа (Raittila, 2011: 162). По меткому замечанию швейцарского посла В. Фечерина, «репутация России значительно хуже, чем она является на самом деле» (Podvigin, Grasmuck, 2002), и не последнюю роль в общем имидже страны играют существующие, зачастую негативные (Terskikh, Malenova, 2012) стереоти-

пы относительно одного из самых известных и в то же время загадочных, мифологизированных регионов, а именно Сибири.

Целью представленного исследования является определение специфики языкового конструирования образа Сибири на материале финского новостного дискурса. П. Песонен отмечает, что Россия как культурное пространство в финноязычном дискурсе является «одновременно знакомым и незнакомым, своим и чужим» (Pesonen, 2011: 201). В рамках данной статьи целесообразно проследить, распространяется ли и каким образом эта тенденция на представление сибирского культурного пространства в финских современных новостях.

Теоретические основания

Исходя из целей работы были определены следующие концептуальные направления и подходы, составившие теоретический фундамент исследования.

1. Интерлингвокультурологический подход к изучению русско-центрического текста, заложенный В. В. Кабакчи и предполагающий изучение изменения выразительных средств языка, описывающих явления внешней культуры. При этом особый интерес представляют ксенонимы, т.е. «культуронимы, закрепленные за специфическими элементами «чужой», иноязычной, внешней культуры» (Kabakchi, Beloglazova, 2023: 29), поскольку они являются также и средствами выдвижения, связанного с теорией остранения В. Б. Шкловского, подразумевающей удивление и обостренное восприятие незнакомого мира (Shklovskii, 1970).

2. Теория дискурса, подразумевающая изучение как семантического уровня, т.е. совокупности представленных интенций, так и прагматической составляющей, а именно способов выражения данных интенций (Karasik, 2002: 191). Финноязычный новостной русско-центрический дискурс рассматривается как особый вид дискурса, сочетающий в себе ключевые характеристики медиадискурса, подробно разработанные в рамках медиалингвистики Т. Г. Добросклонской (Dobrosklonskaia, 2020), и отличительные черты языка вто-

ричной культурной ориентации (финского языка, обращенного в область русского культурного пространства). В финноязычной традиции основной целью новостного информативного текста является установление корреляции между реальностью и сообщением, однако, несмотря на кажущуюся установку на объективность, характерной чертой можно считать авторскую модификацию транслируемой информации в соответствии с ценностными установками общества. (Nemánus, Pietilä, 1982: 25; Pallaskallio, 2013: 43). При этом основными лингвистическими средствами, используемыми в подобном дискурсе, являются:

- 1) обилие безличных, неопределённо-личных и обобщённо-личных конструкций;
- 2) использование оценочной лексики для демонстрации фактологической информации (в том числе качественных прилагательных в переносном значении и наречий для их усиления);
- 3) активное употребление фразеологизмов для создания выразительности и образности текста;
- 4) употребление специальной лексики в переносном значении;
- 5) использование приема языковой игры;
- 6) упоминание прецедентных феноменов для выражения оценки события;
- 7) использование авторских метафор (Bratchikova, 2020: 628–631).

Как уже упоминалось выше, образ Сибири и особенности его языковой репрезентации в иноязычном дискурсе активно привлекали внимание лингвистов. Так, стоит отметить работы М. В. Терских, посвященные рассмотрению имиджа региона в аспекте туризма на материале англоязычных новостных текстов, а также затрагивающие вопросы метафорической объективации данного концепта. В своих исследованиях автор приходит к выводу, что в сознании носителей английской лингвокультуры Сибирь предстает как некий отдаленный, изолированный регион России, характеризующийся крайне суровыми климатическими условиями и по-прежнему являющийся местом ссылки (Terskikh, 2011;

Terksikh, Malenova, 2012). К аналогичному выводу приходят И.Б. Руберт, Е.А. Нильсен, Ю.Г. Тимралиева в ходе анализа англоязычных художественных произведений XVIII-начала XX века (Rubert et.al, 2021). О противоречивости образа Сибири, сочетающего в себе уникальную локацию, связанную с ежедневным выживанием, высокую духовность и исторический фон ссылок, коммунизма и ГУЛАГа, пишет Л.П. Большакова (Bolshakova, 2016: 557). В этой связи особый интерес представляет обращение к материалам другого языка для определения того, является ли подобное восприятие Сибири характерным только для английской лингвокультуры или же распространяется на другие.

Обращение к новостному дискурсу объясняется возрастающей ролью СМИ в формировании общественного мнения и стереотипов относительно того или иного предмета или явления. В современном мире ключевую роль играет не столько информация, сколько ракурс, под которым она подается читателю, что делает актуальным рассмотрение тональности, «т.е. эмоционально-волевой установки автора, его психологического отношения к излагаемому, адресату или ситуации общения» (Matveeva, 2014: 692), новостных контекстов, репрезентирующих образ Сибири.

Методы и материал анализа

В качестве материала для исследования были выбраны контексты из новостных статей. При этом источником послужил корпус статей новостного портала YLE (YLE Finnish News Archive 2011–2021) за период с 2011 по 2021 год объемом 207.500.221 токен. Далее методом сплошной выборки были отобраны контексты, в которых встречалась единица *Siperia* (*Сибирь*) в любой словоформе, с целью формирования исследовательского подкорпуса, тематически связанного с регионом Сибирь. Изначально объем составил 2058 вхождений данной единицы, однако в дальнейшем сократился до 775 после удаления дублирующих контекстов (в случае повторения фразы из текста статьи в заголовке или подзаголовке).

Следующим шагом стала обработка полученного исследовательского подкорпуса с использованием метода дискурсивного анализа, направленного на выявление маркеров руссоцентрического дискурса на уровне глубинной и поверхностной структур, а также определение тональности выявленных групп контекстов методом автоматического сентимент-анализа с использованием совмещенных моделей FinBert и FinSentiment (Linden et al., 2023).

Результаты исследования

В результате анализа для каждого контекста были определены ключевые слова, характеризующие инфоповод новости и позволившие выделить основные ситуации употребления данного ксенонима, среди которых:

- 1) описание Сибири как географического региона – 68,6 %;
- 2) Сибирь как место ссылки/заклучения – 9,4 %;
- 3) характеристика климатических особенностей того или иного региона – 8,5 %;
- 4) использование ксенонима Сибирь в качестве названия организации – 8,9 %;
- 5) использование ксенонима в составе фразеологизма *Siperia opettaa* – 4,6 %.

Остановимся на рассмотрении данных ситуаций подробнее.

Сибирь как географический регион

В соответствии с количественными данными эта тематика характеризует большую часть отобранного материала, однако при этом нельзя назвать контексты, включенные в категорию, однородными. Среди них можно выделить своеобразные подкатегории в соответствии с ключевыми словами, позволяющие более узко представить аспект представления образа Сибири (см. табл. 1).

Стоит отметить, что некоторые контексты относятся одновременно к нескольким подкатегориям. В частности, Сибирь как локация археологических находок зачастую сопровождается упоминанием вечной

Таблица 1. Основные подкатегории контекстов, представляющие Сибирь как географический регион
 Table 1. The main subcategories of contexts representing Siberia as a geographical region

Подкатегория	Пример контекста	Процентное соотношение
Сибирь как место археологических находок	<i>Siperiasta Jamalin niemimaalta on torstaina löytynyt hyvin säilynyt mammutin poikanen.</i> <i>В Сибири на полуострове Ямал в четверг был найден хорошо сохранившийся мамонтенок</i>	4,8 %
Сибирь как локация вечной мерзлоты	<i>Oravan hedelmä- ja siemenkätkö jäi Kolimajoen rannalle Siperian ikiroutaan noin 30 000 vuotta sitten.</i> <i>Беличий тайник с фруктами и семенами был оставлен на берегу реки Колыма в вечной мерзлоте Сибири около 30.000 лет назад</i>	2,2 %
Характеристика флоры и фауны региона	<i>Perämeren rannikolla leviävä punkki on osoittautunut Siperiasta kulkeutuneeksi Taiga-punkiksi.</i> <i>Клец, распространившийся по побережью Ботнического залива, оказался таежным клецом, мигрировавшим из Сибири</i>	5,7 %
Сибирь как местоположение	<i>Tarinan henkilöt – suomalainen tyttö ja väkivaltainen venäläinen mies matkustavat samassa junahytissä halki Siperian.</i> <i>Герой повести – финская девушка и жестокий русский мужчина путешествуют в одной кабине поезда по Сибири</i>	47,6 %
Сибирь как локация экономических и политических событий	<i>Maailman taloudellinen keskipiste sijaitsee Siperiassa, selviää konsulttiyhtiö McKinseyn tutkimusyksikön laskelmista.</i> <i>Экономический центр мира расположен в Сибири, согласно расчетам исследовательского подразделения консалтинговой компании МакКинси</i>	19,8 %
Сибирь как генетическая прародина народов/ малая родина	<i>Bostonin Harvard Medical Schoolissa tehty uusi, aikaisempaa yksityiskohtaisempi DNA-tutkimus kuitenkin osoittaa, että alkuperäisasukkaat tulivatkin Siperiasta kolmessa erässä eikä yhdellä kertaa.</i> <i>Однако новое, более детальное исследование ДНК, проведенное в Бостонской Гарвардской медицинской школе, показывает, что аборигены действительно пришли из Сибири тремя партиями и не за один раз</i>	6,1 %
Сибирь как локация аварий, в том числе падения метеорита	<i>Muös vuonna 1908 kuta kuinkin samaa kokoluokkaa ollut kappale – asteroidi tai komeetta – aiheutti Siperian Tunguskassa valtavan räjähdysen.</i> <i>Также в 1908 году объект примерно такого же размера – астероид или комета – вызвал огромный взрыв в Тунгуске, в Сибири</i>	6,5 %
Сибирь как объект изучения	<i>Kielentutkija, tutkija, kirjailija ja poliittinen vaikuttaja Kai Donner (1888–1935) oli vasta 23-vuotias lähtiessään ensimmäistä kertaa Siperiaan vuonna 1911.</i> <i>Лингвисту, исследователю, писателю и политическому деятелю Каю Доннеру (1888–1935) было всего 23 года, когда он впервые уехал в Сибирь в 1911 году</i>	2,2 %
Характеристика экологической ситуации в регионе	<i>Jo aikaisemmin tiedemiehet ovat löytäneet metaanilähteitä Siperian itäpuoleisesta päästä, missä ikiroudan sulaminen tuottaa suuria määriä sitä.</i> <i>Ученые уже нашли источники метана в восточной части Сибири, где таяние вечной мерзлоты образует большое его количество</i>	4,2 %
Характеристика этнокультурного своеобразия региона	<i>Tuolloin pienistä Siperiassa asuvista kansoista ei saanut puhua avoimesti, ja tiedon puute näkyy vielä tänä päivänäkin.</i> <i>В то время открыто говорить о малых народах, живущих в Сибири, не разрешалось, а недостаток информации замечен и сегодня</i>	1,9 %

мерзлоты. При этом упоминание *ikirouta* (вечная мерзлота) традиционно аналогично холоду, являющемуся метафорой враждебности, таинственности, смерти, добавляет контекстам положительный оттенок, поскольку означает хорошую сохранность археологических находок. Интересно, что несмотря на существование представления о негативных стереотипах о Сибири, большинство контекстов имеют либо нейтральную, либо положительную тональность и характеризуют регион как место с богатой экономической и политической жизнью, имеющее важное значение благодаря природному разнообразию и представляющее интерес с точки зрения истории и культуры.

К подкатегориям, имеющим негативный оттенок, можно отнести контексты, в которых Сибирь выступает как локация аварий (в том числе падение метеорита) за счет широкого употребления единиц из лексико-семантического поля «несчастный случай», например, *räjähdyks* (взрыв), *loukkaantunut* (пострадавший), *hätälasku* (аварийная посадка), *epäonnistua* (потерпеть неудачу), *onnettomuus* (несчастный случай), *turmakone* (аварийный самолет), а также контексты, характеризующие экологическую обстановку в регионе. Во втором случае отрицательную окраску придают лексемы, связанные с репрезентацией экологических проблем, например, *metsäpala* (лесной пожар), *metaanipäästö* (выброс метана), *ikiroudan sulaminen* (таяние вечной мерзлоты), *öljyvuohto* (разлив нефти), и экологической борьбы – *protesti* (протест), *mielenosoitus* (демонстрация), *Greenpeace* (Гринпис), *aktivisti* (активист). Хотя последняя тематическая группа лексем не воспринимается однозначно негативно, в комбинации с описанием экологических катастроф они создают общий отрицательный коннотативный фон, передавая напряжение от борьбы и некоторую тщетность усилий.

Для этой группы контекстов характерно широкое использование ксенонимов, среди которых относящиеся к России и русской культуре топонимы (63 единицы), антропонимы (23), прецедентные наимено-

вания компаний, газет, учреждений и пр. (15). Топонимы представлены ойконимами (50 %), большая часть которых локализована в Сибири (например, *Norilsk*, *Omsk*, *Irkutsk*), однако также встречаются и наименования населенных пунктов в других регионах России (например, *Pietari* – Санкт-Петербург, *Moskova*, *Sosnovyi Bor*). Стоит отметить вариативность передачи названий. Так, например, для Ханты-Мансийска используется как *Hanti-Mansijsk*, так и вариант *Hanty-Mansijsk*, а для Междуреченска – *Mezhdurechensk* и *Mežduretšensk*, что свидетельствует об отсутствии единой традиции в представлении данных населенных пунктов, расположенных в Сибири в финском медиадискурсе, в отличие от географически более близких локаций, таких как Санкт-Петербург (*Pietari*) или Москва (*Moskova*). Аналогичная тенденция характерна и для наименований регионов (*Jakutia*, *Tsetsenia/Tchechenia/Tšečenia*, *Altai/Altay*), составляющих 13,7 % от общего числа топонимов. Отдельно стоит отметить гидронимы (32,7 %), которые представлены вариантами [заимствованный гидроним+тип объекта/классификатор (финское слово)] (например, *Objoki*, *Amurjoki*, *Kolimajoki*, *Baikal-järvi*, *Barentsinmeri*) или [финский эквивалент гидронима (традиционно включающий тип объекта/классификатор)] (например, *Jäämeri*, *Suomenlahti*, *Mustameri*).

Антропонимы в основном представлены именами и фамилиями известных политиков (*Dmitri Medvedev*, *Putin*, *Roman Abramovič*), культурных (*Teodor Kurentzis*, *Natalia Cherniavskaia*, *Veronika Bartenejeva*) и исторических (*Rasputin*, *Ekaterina*) деятелей, с которыми связан инфоповод новости. При этом традиционно используется полная формула Имя+Фамилия, за исключением таких знаковых и узнаваемых за рубежом персон, как *Putin*, *Rasputin* и *Ekaterina*, а также редких случаев употребления сокращенных имен (*Kolja*, *Sasha*). Ряд антропонимов, встречающихся в данной группе, не относится к описанию русской культуры, а связан с упоминанием представителей финской нации (*Donner*, *Jarkko Lahti*, *Hannu Rönkkö* и пр.). Таким образом, создается

связь между Финляндией и Сибирью, передается личный опыт и ощущения финнов от нахождения в Сибири.

Также именно в данных контекстах встречается и использование этнонимов (*udehe, burjatti, hanti, nenetsi, samojedi*). Хотя они характеризуют культуру России в целом (название народов, проживающих на территории Российской Федерации), тем не менее сложно отнести их употребление к руссоцентрическому дискурсу, так как в большинстве случаев делается акцент на том, что это родственные финнам народы (*suomensukuskansat*), которые имеют общее происхождение, язык, культурные корни и пр. Другой интересной особенностью употребления этнонимов является высокая частотность их сочетаемости с прилагательным *pieni* (маленький, малый), что подчеркивает статус и положение этноса в рамках более крупной русской культуры.

Наконец, последней группой ксенонимов, представленных в данном материале, являются названия организаций, учреждений и газет (19), например, *Rosatam, Gazprom, Vedomosti, Izvestija, Lada, Spartak* и пр. Их наличие позволяет детализировать описание, создать эффект погружения в культуру. При этом важно отметить отсутствие классифицирующих слов, объясняющих, о чем именно идет речь, что свидетельствует о знакомстве читателя-носителя языка с данными культуронимами.

Интересным кажется обращение к коллокациям, в которых представлены формы слова *Siperia* в анализируемых контекстах.

Наиболее частотными являются модели [*Siperia* (словоформа) + *ja*] (28 вхождений) и аналогичная модель [*ja* + *Siperia* (словоформа)] (17 вхождений), в рамках которых в большинстве контекстов Сибирь упоминается как одна из локаций наряду с остальными.

Следующей по частотности (19 вхождений) является коллокация *Siperian yli* (*через Сибирь*), представляющая Сибирь как транзитное пространство, выступающее не целью движения, а промежуточной локацией.

Еще одной частотной (9 вхождений) находится модель [*Venäjan* + *Siperia* (сло-

воформа)], которая состоит из генитивной формы слова *Rossia*, обозначающей принадлежность и одной из падежных форм слова *Sibir*. В данных контекстах на первый план выходит представление региона как части России.

При этом все перечисленные коллокации являются нейтральными и не несут ярко выраженной эмоциональной окраски, что свидетельствует об объективно нейтральном представлении региона и подтверждает наблюдения о тональности контекстов группы контекстов.

Сибирь как место заключения/ссылки

Контексты, представляющие Сибирь как место заключения, могут быть поделены на две группы. Первая отсылает к до-революционному и советскому прошлому и системе наказания, господствовавшей тогда. При этом в подавляющем большинстве случаев используется пассивный залог, а объектом выступают или конкретные личности (подчеркиваются родственные связи), или народы (эстонцы, татары и пр.). Отличительной чертой этих контекстов является использование временных конструкций (упоминание конкретного года, отсылка к историческому событию и пр.), позволяющих читателю четко сориентироваться во времени. Например:

(a) *Yli 10000 virolaista kyydettiin Siperiaan vuonna 1941* (Более 10.000 эстонцев перевезли в Сибирь в 1941 году).

(b) *Tutkija Veli-Pekka Toropainen kuitenkin muistuttaa, että mestaukset korvattiin Suomessa Siperiaan karkottamisella vasta vuonna 1826* (Исследователь Вели-Пекка Торопайнен, однако, напоминает, что казнь заменили в Финляндии ссылкой в Сибирь только в 1826 году).

(c) *Krimin tataariväestö pakkosiirrettiin Keski-Aasiaan ja Siperiaan 1940-luvulla ja se pääsi palaamaan niemimaalle vasta 50 vuotta myöhemmin* (Татарское население Крыма переселяли в Центральную Азию и Сибирь в 1940-х, и оно смогло вернуться на полуостров лишь спустя 50 лет).

(d) *Suomen entinen presidentti Pehr Evind Svinhufvudin karkotettiin Siperiaan täsmälleen*

sata vuotta sitten (Бывшего президента Финляндии Пера Эвинда Свинхувуда сослали в Сибирь ровно сто лет назад).

Таким образом, решение о ссылке/отправке в Сибирь предстает достаточно обличенным.

Четкой временной ориентации противопоставлено отсутствие пространственной конкретики. Сибирь предстает как некоторый общий локус, без указания конкретных городов или названий, лишь в отдельных контекстах можно встретить указание на тип места ссылки (лагерь, колония и пр.), например:

(e) *Noin 30 000 virolaista joutui jättämään kotinsa ja heidät vietiin Siperiaan työleireille, tehtaisiin ja kaivoksiin* (Почти 30.000 эстонцев были вынуждены оставить дом, и их отвезли в Сибирь в трудовые лагеря, на заводы и в шахты).

Второй блок контекстов отражает современную историю через призму событий, связанных с конкретными личностями (Надежда Толоконникова, Михаил Ходорковский), представляющими политическую оппозицию власти. Для них также характерно использование преимущественно пассивных конструкций, однако объектом выступают антропонимы, относящиеся к сфере политики, при этом локализация места заключения более четкая:

(f) *Hänet siirrettiin Moskovaan*

Siperian Tshitän vankileiriltä helmikuussa 2009 (Его перевели в Москву из лагеря в сибирской Чите в феврале 2009).

(g) *Pussy Riotin jäsenen Nadežda Tolokonnikova on siirretty Siperiaan, vahvistaa Venäjän ihmisoikeusasiames Vladimir Lukin* (Надежду Толоконникову, члена Pussy Riot, перевели в Сибирь, подтвердил российский правозащитник Владимир Лукин).

(h) *Siperiassa sijaitsevassa Krasnojarskin kaupungissa toimittajille puhuneen Nadezda Tolokonnikovan mukaan Venäjän vankilat heijastavat tapaa, jolla koko maata hallitaan* (По словам Надежды Толоконниковой, говорившей с журналистами в городе Красноярске, расположенном в Сибири, российские тюрьмы отражают способ, которым управляют страной).

Если рассматривать такие основные маркеры руссоцентрического дискурса, как ксенонимы, то в данной группе контекстов преобладающую роль играют антропонимы (12), реализуемые как через модель Имя+Фамилия (*Mihail Hodorkovski, Nadežda Tolokonnikova, Vladimir Gusinski, Boris Berezovski*), так и при помощи одной фамилии (*Putin, Stalin, Lenin*). При этом последняя группа выступает для ориентации читателя во времени, например, *Stalinin aikana, Putinin halinnan aikana* (в сталинское время, во время правления Путина). Менее представленной является группа топонимов (8), среди которых названия населенных пунктов (*Krasnojarsk, Tschita, Moskova*) и общее наименование страны (*Neuvostoliitto, Venäjä*), являющееся не только указанием на географическое расположение, но и характеристикой власти, политической силы. Другими единично представленными группами ксенонимов являются наименования групп и организаций (например, *Pussy Riot*) и культуронимы (*kulakkeja – кулаки*), определяющие объект ссылки. Семантическая просодия данных контекстов имеет явно негативный оттенок, что формируется коннотациями глаголов действия (*karkoittaa – ссылать, siirtää – перемещать, viedä – отвозить, joutua – быть вынужденным, vangita – арестовывать, lähettää – отправлять*), а также противопоставлением дом-Сибирь, реализуемым через конструкции *из дома отправили в Сибирь*, подчеркивающим перемещение против воли.

Аналогичные выводы можно сделать и анализируя коллокации в рамках контекстов данной тематической группы. Так, наиболее частотным (14 вхождений) является сочетание разных форм глагола *karkoittaa* (*ссылать*), например, прошедшего времени пассивного залога или причастия прошедшего времени пассивного залога, с иллативной формой *Siperiaan*, обозначающей направление движения или инессивной формой *Siperiassa*, имеющей значение нахождения в определенной локации. Другими частотными коллокациями являются конструкции *vietiin Siperiaan*

(*отвезли в Сибирь*) или *siirretty Siperiaan* (*перемещен в Сибирь*) – 4 и 3 вхождения соответственно. Так или иначе, семантически все упоминаемые глаголы, сочетающиеся с единицей *Сибирь*, имеют значение перемещения против воли, что создает негативный коннотативный фон.

Сибирь как климатическая характеристика

В рамках контекстов, рассматривающих климат региона или отсылающих к Сибири при характеристике погоды других областей, реализуется представление о Сибири как о центре холода. Этому способствует широкое использование единиц, связанных с этим понятием, например, *Siperian pakkaset* (*сибирские морозы*), *Siperian talven tuntu* (*ощущение сибирской зимы*), *Siperiassa puhaltavat tuulet* (*ветра, дующие в Сибири*), *hyvin kylmää* (*очень холодно*), или же с указанием конкретных показателей (*38 asteen pakkainen*, *38-градусный мороз*). Теплые температуры отмечаются как исключительные и недолгие. При этом негативная коннотация формируется за счет того, что подобная погода рассматривается как враждебная и угрожающая жизням в других странах. Это хорошо прослеживается в следующих примерах:

(i) *Siperian sää on vaatinut yhä enemmän kuolonuhreja Euroopassa* (*Сибирская погода уносит все больше и больше жизней в Европе*).

(k) *Siperian sää tapaa yhä Euroopassa* (*Сибирская погода продолжается в Европе*).

(l) *Siperiasta saapunut kylmä ilma on surmannut ainakin 160 ihmistä* (*Прибывший из Сибири холодный воздух убил по меньшей мере 160 человек*).

Когда же речь идет о климатической характеристике самой Сибири, холод не рассматривается как что-то отрицательное, скорее как естественное состояние, некая константа, присущая региону.

Интересным является тот факт, что данные контексты практически не содержат ксенонимов – лишь незначительное количество топонимов (4), относящихся к России. Основную роль конструирования образа «чужого» играет сама единица

Siperia, которая в контекстах, характеризующих климат в Европе, и создает образ инородного и враждебного, так как ассоциируется со смертью.

Наиболее частотные коллокации с опорным словом *Siperia* семантически связаны с тематикой контекстов. На первом месте (6 вхождений) – модель [*Siperian+pakkainen* (словоформа)], представляющая сочетание слова *Сибирь* в генитивной форме и падежные формы слова *мороз*, как в единственном, так и множественном числе. По аналогичной модели (сочетание генитива с существительным) строятся и следующие в частотном списке модели [*Siperian + sää* (словоформа)] (*Сибирская погода*) и [*Siperian + talvi* (словоформа)] (*Сибирская зима*). Таким образом, наиболее частотные коллокации представляют Сибирь как локацию холода. Даже сочетание *Сибирская погода* за счет обращения к стереотипному образу региона также, по сути, подразумевает именно холодную погоду. Если оценивать коннотативный фон только коллокаций (без учета контекстов целиком), то он носит скорее негативный характер. Это объясняется тем, что метафорически холод воспринимается как нечто враждебное жизни.

Сибирь как название организации

Несмотря на то что данные контексты не являются в полной мере описанием русской культуры, тем не менее обращение к ксенониму *Сибирь* в качестве названия кажется интересным с точки зрения формирования образа региона. В анализируемом материале встречаются упоминания о пяти таких организациях:

1) Театр «Сибирь» (г. Тампере, Финляндия) – 79,6 %

2) Культурный клуб «Сибирь» (г. Ювяскюля, Финляндия) – 16,3 %

3) Торговый центр «Сибирь» (Финляндия) – 2,04 %

4) IT-компания «Сибирь» – 2,04 %

Наиболее узнаваемым является театр, основанный в 2005 году с целью создания актуальных и свежих драматургических постановок в г. Тампере и на настоящий

момент не имеющий своей постоянной площадки. В большинстве случаев название сопровождается родовым названием организации (*Teatteri Siperia*; контексты (m) и (n)), однако именно контексты о театре содержат и вариант использования ксенонима без уточнения (контексты (o) и (p)):

(m) *Hämeenlinnan kesäteatteri ja tampereläinen Teatteri Siperia aloittavat yhteistyön ensi vuoden alussa* (Летний театр Хяменлинна и Театр «Сибирь» г. Тампере начинают сотрудничество в начале следующего года).

(n) *Viime vuonna palkinnon saivat Teatteri Siperia ja tietokirjailija-toimittaja Matti Wacklin* (В прошлом году премию получили Театр «Сибирь» и журналист, автор научных статей, Матти Ваклин).

(o) *Me Siperiassa perinteisesti olemme siitä lähteneet, että teemme korkeatasoista teatteria.* – Мы в «Сибири» традиционно исходим из того, что создаем театр высокого уровня.

(p) *Tampereella on Siperia, Helsingissä Arabia ja esimerkiksi Forssassa kokonainen Amerikka* (В Тампере есть «Сибирь», в Хельсинки «Аравия» и, например, в Форсса целая «Америка»).

Во всех остальных случаях уточняется тип организации, см.:

(q) *Kulttuuriklubi Siperia pitää sijaa Jyväskylän veturitalleilla* (Культурный клуб «Сибирь» расположен в локомотивном депо г. Ювяскюля).

(r) *Otteluun oli illan suussa jäljellä enää jokunen lippu seisomakatsomoon sekä Ilves-fanien tänään kauppakeskus Siperiassa kauppaamat liput* (К концу вечера на матч оставалось еще несколько билетов в стоячий сектор, также билеты, продаваемые фанатами Ilves в торговом центре «Сибирь»).

Тот факт, что контексты без классифицирующего слова представляют меньшинство, свидетельствует об осознании чужеродности введенного ксенонима финноязычной культуре и подчеркивает метафорическую составляющую. При этом важно отметить, что общий коннотативный фон таких контекстов носит положительный характер, что, в свою очередь, распро-

страняется и на восприятие образа самого региона.

В данной группе контекстов безусловным лидером частотного списка коллокаций является сочетание *teatteri Siperia* в различных словоформах (28 вхождений), что связано со спецификой тематики и особенностями функционирования опорного слова. Поскольку слово *teatteri* не несет ярко выраженной эмоциональной окраски, можно сделать вывод о нейтральном характере тональности контекстов данной группы.

Ксеноним *Сибирь* в составе фразеологизма *Siperia opettaa* (Сибирь научит)

По данным словарей, фразеологизм (*Kyllä Siperia opettaa*) используется для обозначения ситуации, когда серьезные испытания меняют мировоззрение и взгляды на жизнь (Muikku-Werner et al., 2008: 315). В корпусных данных встретились контексты использования и полной, и краткой версии фразеологизма, а количество вхождений свидетельствует о том, что он узнаваем носителями языка. Об этом же говорит и наблюдаемая тенденция к дефразеологизации единицы в случае реализации объектной валентности глагола *opettaa*:

(s) *Mitä Siperia sitten opettaa matemaatikolle? Tietysti matematiikkaakin, mutta suurin anti lienee kuitenkin tutustuminen erilaiseen kulttuuriin ja uusiin ihmisiin* (Так чему же Сибирь учит математика? Конечно, математике тоже, но самый большой подарок, наверное, это знакомство с другой культурой и новыми людьми).

Также можно отметить вариативность данного фразеологизма в публицистическом дискурсе: встречаются случаи замены как первого компонента (указание на то, что же подразумевается под Сибирью), так и второго (использование другого глагола):

(t) *Siperia (3. semesteri) opetti hyvin* (Сибирь (3 семестр) хорошо научила).

(u) *Kyllä se Siperia neuvo, Hakkarainen uumoilee* (Конечно, Сибирь посоветует, предвкусает Хаккарайнен).

Отмеченные случаи проявления тенденции дефразеологизации связаны с непосредственным описанием России, так

как утрачивается метафорическое значение ксенонима (суровые испытания) и под Сибирью понимается конкретный географический регион. Тем не менее все контексты, содержащие данный фразеологизм, можно отнести к руссоцентрическому дискурсу, так как использование ксенонима так или иначе отсылает к образу Сибири.

Если же говорить о коннотативных значениях контекстов, то они носят положительный характер. Полученный опыт способствует формированию важного для финского менталитета качества – упорства, отражением которого является лингвокультурологический концепт *sisu*, философским стержнем которого является установка «воспринимать тяготы как новый опыт, укрепляющий и обогащающий личность» (Maltseva, 2018: 10).

Анализ частотных коллокаций для данной группы контекстов не является показательным, поскольку изначально речь идет о ситуации, в которых опорное слово *Siperia* выступает как элемент устойчивого словосочетания.

Результаты sentiment-анализа

Sentiment-анализ контекстов, в которых встречалось упоминание Сибири, проводился по каждой тематической группе

отдельно, чтобы определить различия в тональности и избежать погрешностей, возникающих при обработке больших объемов текстов. При этом для всех групп выявленный тип тональности был одинаков – нейтральный, однако показатели незначительно варьировались (см. рис. 1).

Наиболее нейтральной является тональность контекстов, представляющих Сибирь как географическое пространство, что объясняется во многом тем, что в них обращение к ксенониму вызвано необходимостью локализации событий. Наличие негативно окрашенной лексики нивелируется употреблением безоценочных единиц или имеющих положительную коннотацию.

Меньший показатель нейтральности характерен для ситуаций, где Сибирь используется в составе фразеологизма, что связано с его назидательной семантикой, а также где упоминание региона отсылает к определенным климатическим условиям. Очевидно, что большая образность текстов снижает показатели нейтральности тона.

Использование ксенонима как части названия встречается в оценочных инфополюсах, что также объясняет снижение показателя нейтральности в данных контекстах. Аналогичная ситуация наблюдается с кате-

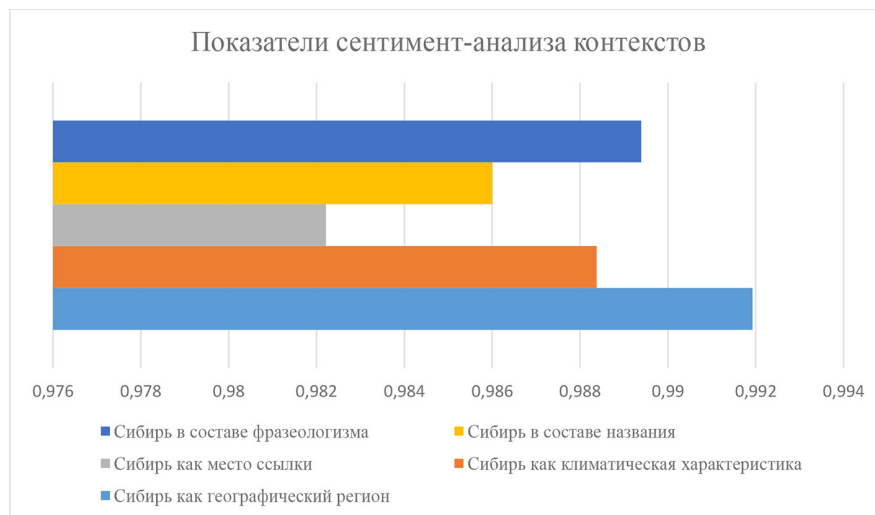

Рис. 1. Sentiment-анализ контекстов

Fig. 1. Sentiment analysis of contexts

горией, представляющей Сибирь как место ссылки.

При этом важно отметить, что даже в контекстах, представляющих изначально оценочные инфоповоды, т.е. новости с высокой эмоциональной нагрузкой, специфика новостного дискурса, основной функцией которого является информирование, выравнивает тональность текстов, делая их нейтральными. Именно этим и объясняется расхождение результатов анализа частотных коллокаций и автоматического сентимент-анализа. Во многом такая нейтрализация становится возможной благодаря использованию пассивных конструкций и отсутствию ярких авторских метафор.

Обсуждение и выводы

Проведенный анализ контекстов подтверждает тенденцию, характеризующую описание русского культурного пространства в финноязычном дискурсе как одновременно знакомого и чужого. При этом регион Сибирь, являющийся в сознании западного человека своеобразной мифологемой, предстает, с одной стороны, как локация событий разного рода, с другой – как источник опыта и предмет личных переживаний представителей финской нации.

Дискурсивный анализ контекстов показал, что несмотря на представление о преобладании преимущественно негативных стереотипов о Сибири в западном сознании, текстовый уровень не показывает преобладания каких-то отрицательных оценок. Качественный анализ демонстрирует наличие определенных негативно

окрашенных характеристик в ситуациях, когда Сибирь используется как метафора холода при сопоставлении климатических условий, при упоминании региона как места ссылки и локации аварий. При этом автоматический сентимент-анализ определяет тональность контекстов вне зависимости от тематической категории как нейтральную.

Можно сделать вывод, что на нейтральность собирательного образа Сибири оказывают влияние особенности новостного текста как жанра медиадискурса, позиционирующего себя как источник объективной (т.е. безоценочной) информации, за счет чего многие характеристики региона (даже тяготеющие к отрицательным) предстают как отличительные черты, составляющие его специфику, а значит, заслуживающие описания и уважения. Позирование Сибири как одновременно знакомого и чужого также снижает оценочность текстов. Все это способствует формированию у финноязычного читателя отношения к Сибири как к региону, обладающему самобытностью, живущему активной жизнью и представляющему безусловный интерес.

Результаты настоящего исследования открывают перспективы как для цикла работ, посвященных сопоставительному изучению особенностей конструирования образов других регионов России в финноязычном медийном дискурсе, так и для выявления универсальных и лингвоспецифических механизмов формирования имиджа Сибири в ходе компаративного анализа аналогичных источников на других языках.

Список литературы / References

Beloglazova E. V., Os'mak N. A. & Shuvalova E. K. Formal'nye markery i soderzhatel'nye dominanty russotsentricheskogo diskursa: kross-iazykovoe korpusnoe issledovanie [Formal markers and conceptual mainstays of the Russia-centered discourse: a cross-linguistic corpus study]. In: *Vestnik NGU, Seriya lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Bulletin of NSU, Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2024, 22(1), 105–119. DOI: 10.25205/1818–7935–2024–22–1–105–119

Bolshakova L. P. Conceptualization of the image of Siberia in contemporary travel literature. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2016, 9(3), 551–558. DOI: 10.17516/1997–1370–2016–9–3–551–558

Bratchikova N. S. Spetsifika finskikh novostnykh veb-tekstov: struktura i iazykovoii mekhanizm vozdeistviia [Specifics of Finnish web news texts: structure and language exposure mechanism]. In:

Vestnik ugrovedeniia [Bulletin of Ugric Studies], 2020, 4, 624–632. DOI: 10.30624/2220–4156–2020–10–4–624–632

Dobrosklonskaia T. G. *Medialingvistika: teoriia, metody, napravleniia [Medialinguistics: theory, methods, trends]*. Moscow, Flinta. 2020, 180.

Hemánus P., Pieilä K. *Seven rounds of journalism [Seitsemän erää journalismista]*. Jyväskylä, Osuuskunta Vastapaino. 1982, 384.

Kabakchi V. V., Beloglazova E. V. *Vvedenie v interlingvokul'turologiiu [Introduction to interlinguaculturology]*. Moscow, Urait. 2023, 253.

Karasik V. I. *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs [The linguistic circle: personality, concepts, discourse]*. Volgograd, Peremena. 2002, 331.

Linden K., Jauhiainen, Hardwick. FinnSentiment: a Finnish social media corpus for sentiment polarity annotation. In: *Language Resources and Evaluation*, 2023, 57, 581–609. DOI: 10.1007/s10579–023–09644–5

Maltseva A. P. Chto vospityvat'? Ob iskomykh natsional'nykh kachestvakh, tsennostiakh i simvolakh v epokhu peremen [What to bring up? On the desired national qualities, values and symbols in a time of change]. In: *Povolzhskii pedagogicheskii poisk [Volga region pedagogical search]*, 2018, 2(24), 8–13.

Matveeva T. V. Tonal'nost' teksta [Text tonality]. In: *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii): slovar'-spravochnik [Effective speech communication (basic competencies: a dictionary)]*. 2014, 692–694.

Muikku-Werner P., Jantunen J. H. & Kokko O. *Suurella sydämellä ihan sikana: a descriptive phrase dictionary of the Finnish language [Suurella sydämellä ihan sikana: Suomen kielen kuvaileva fraasisanakirja]*. Helsinki, Gummerus. 2008, 467.

Pallaskallio R. *A telling tempus. The choice of the finite verb tense in Finnish-language disaster news texts 1860–2004 [Kertova tempus. Finitiiverbin aikamuodon valinta suomenkielisissä katastrofiuutisteissa 1860–2004]*. Helsinki, Unigrafia Oy. 2013, 214.

Pesonen P. Rossiia kak mifologizirovannoe prostranstvo v finskoi sovremennoi literature [Russia as a mythologized space in Finnish contemporary literature]. In: *Studia Russica*, 2011, 12, 184–203.

Podvigin M., Grasmick A. Interv'iu posla Shveitsarii v Rossii Val'tera Fecherina [Interview with Walter Fecherin, Swiss Ambassador to Russia]. 2002. Available at: <https://inosmi.ru/20021210/166421.html> (accessed 26 May 2024).

Raittila P. Russia in the public mins [Venäjä kansalaismielipiteessä]. In: *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. 2011, 125–168.

Rubert I. B., Nilsen E. A. & Timralieva Yu. G. Representation of SIBERIA linguacultural concept in the English fiction of the 18th – early 20th centuries. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2021, 14(10), 1455–1467. DOI: 10.17516/1997–1370–0830

Terskikh M. V. Imidzh Sibiri v aspekte brendinga turistichekoi destinatsii [Image of Siberia in the aspect of tourism destination branding]. In: *Politicheskaiia lingvistika [Political linguistics]*, 2011, 4(38), 263–272.

Terskikh M. V., Malenova E. D. Spetsifika metaforicheskoi ob'ektivatsii kontsepta "Siberia" v sovremennom amerikanskom mediadiskurse [Specifics of metaphorical objectification of the concept "Siberia" in the modern American media discourse]. In: *Politicheskaiia lingvistika [Political linguistics]*, 2012, 4(42), 211–220.

Shklovskii V. B. *Tetiva: O neshkhodstve skhodnogo [Bowstring: On the dissimilarity of the similar]*. Moscow, Sovetskii pisatel'. 1970, 376.

Yle Finnish News Archive 2011–2021. Available at: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:lb-2022032206> (accessed 18 April 2024)